

Глава 8. Погружение (часть вторая)

Смерть Лань Ин, наступившая как раз в тот момент, когда её состояние начало улучшаться, стала для всех громом среди ясного неба.

Ли Хуа знала, что этот день настанет, но не ожидала, что так скоро. Всё же, после столь долгого общения, известие вызвало в её душе лёгкую печаль, но куда больше в ней было странного облегчения: наконец-то всё началось.

Похороны Лань Ин прошли скромно. Людей было мало: кроме семьи Ли Хуа и самой Чи Ханьцинь, пришло всего четыре человека. Поистине пустынно.

На протяжении всей церемонии Чи Ханьцинь держалась спокойно. Никаких резких движений, даже слезинки не проронила. Но если присмотреться, можно было заметить, что её некогда яркие чёрные глаза подёрнулись пеленой.

Горе, доведённое до предела, разрушительно. Ли Хуа меньше всего хотела, чтобы её героиня сломалась. Хотя, казалось, она была уже на грани: стоило лишь окончательно отпустить внутренний стержень, как всё было бы кончено.

Ведь смерть Лань Ин должна была стать для героини мощным стимулом двигаться вперёд. Но что пошло не так? Может, она что-то делает неверно?

Да ну нет! Неужели всё настолько плохо?

Пока Ли Хуа размышляла, она упустила момент, и героиня исчезла из виду. Пришлось отложить разговор на завтра.

Под светом софитов девушка выглядела всё так же изысканно и прекрасно, но Линь Ливэнь отчётливо увидел в её глазах, похожих на чёрные алмазы, тень печали и угасания. Что произошло? Он не мог этого понять и невольно остановил работу.

— На сегодня всё. Все свободны, идите отдыхать.

Когда основная часть съёмочной группы разошлась, Линь Ливэнь подозвал Чи Ханьцинь.

— А-Цзянь, неужели нагрузка за эти дни оказалась слишком большой? Ты выглядишь такой измождённой, даже половины прежней формы не осталось. Может, дать тебе неделю отпуска, чтобы пришла в себя?

Чи Ханьцинь медленно покачала головой:

— Нет, я в порядке. Мне не нужен отдых.

— Что ты такое говоришь! Посмотри на себя! Сама скажи, когда ты в последний раз нормально спала? Мои работы должны быть идеальными, а в таком состоянии ты никуда не годишься. Ты должна отдохнуть. Приходи в следующий понедельник, и точка! — Линь Ливэнь проявил редкую твёрдость.

Возвращаясь от Тэлайсы домой, Чи Ханьцинь не могла найти в себе сил ни на что. С самого детства они с Лань Ин жили душа в душу, та была её духовной опорой. Даже карьера модели началась только ради оплаты счетов за лечение Лань Ин. Теперь, когда её не стало, Чи Ханьцинь чувствовала себя потерянной. У неё больше не было цели, и казалось, что всё остальное в жизни утратило всякий смысл.

Вернувшись домой в полубессознательном состоянии, она сразу остро ощутила чужой запах.

Чи Ханьцинь никогда не любила, когда посторонние вторгались в её личное пространство. Это было следствием неустроенной жизни и постоянного чувства незащищённости. В её доме всегда пахло только ею и Лань Ин, поэтому появление постороннего аромата было невыносимым.

В тот же миг она перешла в режим обороны. Её нежные, влажные глаза стали острыми, как лезвие, но через секунду блеск в них погас. Мамы больше нет, так зачем мне охранять этот дом? Какой во всём этом смысл?

Силы покинули её, словно она была безнадёжно больным человеком. Сердце превратилось в пепел, казалось, она готова умереть прямо сейчас.

Увидев такую Чи Ханьцинь, Ли Хуа почувствовала, как сжалось её собственное сердце. Она шла сюда с готовым планом разговора, но, увидев героиню, поняла, что не знает, с чего начать.

Призвать к мужеству? Бросьте, она и сама понимала, как глупо это звучит. Возможно, лучше было бы промолчать.

Небо постепенно темнело, последние лучи заката исчезли за окном. Наступила ночь.

Прошёл час. Целый час Ли Хуа стояла в гостиной рядом с Чи Ханьцинь, не шелохнувшись. Когда она уже решила, что так продолжаться не может, Чи Ханьцинь внезапно заговорила:

— Зачем ты пришла?

Услышав её голос, Ли Хуа невольно выдохнула:

— Я пришла провести тебя.

— Провести? — голос Чи Ханьцинь стал совсем тихим.

— Да. Моя мама очень беспокоится о тебе, я тоже.

— Спасибо, — сухо ответила та, давая понять, что разговор окончен.

Ли Хуа глубоко вдохнула. Вся жалость, которую она испытывала к Чи Ханьцинь, улетучилась. Ей хотелось схватить её и хорошенько встряхнуть, желательно за это её безупречное лицо.

Все эти слова о том, что мёртвых не вернуть — пустой звук. Жизнь продолжается, и никто в этом мире не умирает от потери другого человека. Что за упадничество?

А что до самой Ли Хуа? Она ведь тоже оказалась здесь внезапно, в чужом мире, без родных и друзей. Сон ли это Чжуан-цзы, или что-то иное — она и сама не знала.

Окружающие люди вели себя так, будто знали её всю жизнь, но она-то знала, что она — не эта девушка. Она лишь несла на себе бремя чужой судьбы. Ли Хуа ни на секунду не переставала чувствовать себя чужой, всё вокруг казалось фальшивым. Кто мог понять её мучительное чувство отчуждённости?

Более того, она не знала, зачем божество переместило её в этот мир. Неужели она должна просто стоять в стороне? Если она — второстепенный персонаж, то это ещё полбеды. А если она — пушечное мясо или злодейка? Жизнь на кону, это не шутки! И сможет ли она когда-нибудь вернуться домой? Если она поможет героине пройти весь путь, может, тогда она вернётся? Это был бы идеальный исход.

А до тех пор нужно удержать героиню на плаву. Иначе, без неё, какой смысл во всём этом представлении?

Подумав об этом, Ли Хуа кашлянула:

— Кхм, Чи Ханьцинь, я хочу с тобой поговорить.

Чи Ханьцинь отвернулась, всем своим видом показывая, что не хочет обсуждать ничего и ждёт, когда гостя уйдёт.

Ли Хуа, чьи эмоции — недовольство, неприязнь и досада от внезапного перемещения — были подавлены, наконец взорвалась.

— Чи Ханьцинъ, что ты вообще творишь? — начала она с вопроса-обвинения.

Чи Ханьцинъ обернулась и молча посмотрела на неё своими бездонными чёрными глазами. Но Ли Хуа не испугалась и продолжила громче:

— Если тётя Лань Ин умерла, ты тоже решила с ней уйти?

В глазах Чи Ханьцинъ вспыхнул гнев, она впиалась взглядом в Ли Хуа:

— Заткнись! Убирайся отсюда немедленно! Вон!

Она была в ярости, но и Ли Хуа была не менее зла!

— Не волнуйся, я скоро уйду. Даже если ты будешь умолять остаться, я не задержусь, но сегодня я обязана сказать всё как есть! — холодно отрезала Ли Хуа. — Тётя Лань Ин столько лет растила тебя, и вот так ты ей платишь? Превратилась в развалину? Ты хоть понимаешь, как бы она расстроилась, если бы узнала об этом?

— Зачем ты говоришь об этом? Её больше нет! Нет! — закричала Чи Ханьцинъ.

— Поэтому ты решила опустить руки, жалеть себя и...

— Ты ничего не понимаешь! Ты понятия не имеешь, каково это — потерять единственного близкого человека! — голос Чи Ханьцинъ сорвался, и слёзы покатались по её щекам.

Видя, как она плачет, Ли Хуа, которая до этого сдерживалась, тоже почувствовала, как защипало в глазах:

— С чего ты взяла, что я не понимаю? В этом мире нет никого, кто понимал бы это лучше меня! Моя боль глубже твоей!

По крайней мере, ты можешь прийти на могилу и вспомнить её, а я даже не могу найти ниточки, связывающие меня с тем миром. Скорее всего, я никогда больше не увижу тех, кого любила и кто любил меня!

Голос Ли Хуа тоже охрип:

— Ты хоть знаешь, чего больше всего хотела тётя Лань Ин? Чего она желала для тебя? — она понизила голос. — Твоя жизнь не может закончиться здесь. Ты должна взять себя в руки и продолжить идти вперёд, воплощая её несбывшиеся мечты. Разве ты можешь позволить ей разочароваться в тебе?

Глаза Чи Ханьцин, подёрнутые слезами, ярко блеснули в ночи. На мгновение она утонула в этом свете.

Чи Ханьцин тихо вытерла слёзы. На её бледном, прекрасном лице появилась слабая улыбка. Сзади её освещал серебристый лунный свет, и во всём её облике проступила необыкновенная сила духа и особое очарование.

— Ты права. Я не могу сдаться.

Впереди её ждала невидимая война.

В глубине их глаз навсегда отпечатались образы друг друга. Они обе не знали, как близко в тот момент стали их души.

Чи Ханьцин была благодарна Ли Хуа за то, что та привела её в чувство, а Ли Хуа была благодарна Чи Ханьцин за то, что та открыто показала свои эмоции, вызвав такой отклик.

Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как Ли Хуа оказалась здесь, но она всё никак не могла слиться с этим миром. Слишком сильно было отторжение, слишком много внутренних барьеров. Но после этой ссоры что-то внутри неё словно оттаяло.

Она всё яснее чувствовала, что люди вокруг — живые, настоящие, из плоти и крови. Это был реальный мир.

Боль Чи Ханьцин, её слёзы, её...

Ли Хуа почувствовала глубокую вину перед Лань Ин, ведь до этого она считала её лишь второстепенным персонажем и намеренно подавляла свои искренние чувства.

Как она могла так долго закрывать глаза и отгораживаться от всего этого? Она знала: теперь она примет этот чужой мир, по-настоящему погрузится в него, а потом... найдёт путь домой.

<http://bllate.org/book/21687/2236876>